

Журнал "Крестьянка"

№1, Январь 1963

УДК 64
ББК 37.279
Ж92

Ж92 Журнал "Крестьянка": №1, Январь 1963 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 40 с.

ISBN 978-5-458-45259-5

"Крестьянка" - это журнал, известный каждой женщине в Советском Союзе. "Крестьянка" и "Работница" два журнала про женщин и все, что их волнует: красота, здоровье, работа и карьерный рост, культура, психологическая помощь, решение проблем в доме и в семье. Среди авторов журнала в разные годы были А. В. Луначарский, Демьян Бедный, М. Горький, А. С. Серафимович, А. Т. Твардовский и многие другие известные писатели. Журнал был также известен тем, что имел собственную сеть корреспондентов из народа (селькоров). Первый номер вышел в июне 1922 году, тиражом в пять тысяч экземпляров, а в 1973 году - 6 миллионов 300 тысяч. Журнал также продавался в Германии и Испании.

ISBN 978-5-458-45259-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сказала Нина Григорьевна Молчанова. — За одиннадцать месяцев я надоила по 2 400 литров молока от коровы. Их у меня четырнадцать. Не отстают от меня — подружки. На нашей ферме в среднем от коровы надоили по 2 300 литров. А вот на ферме беспривязного содержания скота дела идут хуже. При тех же, а часто и лучших кормах там наданвают меньше. Если учесть, что на колхозе доится 178 коров из 320, имеющихся в колхозе, то получается, что недобираем мы тысячи литров молока. А почему так произошло? Да потому, что многого не додумали наши руководители. Установка «УДС-1», которой пользуются доярки, рассчитана на одновременную дойку 5 коров. Чтобы подоить 178 коров, нужно три с половиной часа. Уже одно это сильно снижает надой. Слышала я также, что при беспривязном содержании разбивают коров на группы в зависимости от надоев и кормят и доят их отдельно: сначала — высокоудойных, потом — низкоудойных. Нет у нас этого. Что нам надо? Нужна доильная установка самое малое на 12 коров. Нужен хотя бы на время опытный специалист, который бы научил доярок всем тонкостям машинной дойки.

ВО ВСЕМ НАДОБЕН ХОЗЯЙСКИЙ РАСЧЕТ.— вступила в разговор свинарка Екатерина Ивановна Коробкина, — тогда и порядок будет. Помню, попробовали мы в первый раз перейти на крупногрупповое содержание свиней. За неделю сразу же привесы снизились на 150 граммов на голову. Не было у нас еще в достатке кормов. Потому и отгирляли сильные слабых от кормушек. Как двум свинаркам угладеть почти за тысячей свиней? Отказались от крупногрупп-

пового содержания. Решили: пусть себестоимость будет выше, но терять тонны свинины на снижении привесов нельзя.

Прошел год, появилось у нас вдоволь кормов, и снова мы перешли на крупногрупповое. И хорошо получилось. Привесы даже повысились, а свинина стала обходиться нам в 97 рублей за центнер. В следующем, 1961 году, уже в 82 рубля обошлась, а в прошлом году всего 60 рублей стоил центнер свинины. Почему же такое снижение? Ну, конечно, корма подешевели. А многое и от нас, животноводов, зависело: все новое, что узнаем в свиноводстве, к своей ферме примериваем и, если подходит, берем.

Посоветовали нам содержать маток с поросятами по две-три в одном станке. Выгоду мы сразу поняли. Можно вдвое-втрое увеличить маточное поголовье, не строя новых свинарников. Ведь строительство всегда на себестоимости сказывается. А тут такой выигрыш! Так мы и сделали.

Мы стараемся, чтобы случка маток проходила через месяц после опороса, а не через два, как это делается обычно. В бухгалтерии подсчитали, что это нововведение снизит себестоимость центнера свинины на 4 рубля, а годовой выход деловых поросят увеличится на 10 процентов. Как видите, есть за что бороться. И таких резервов у нас немало.

Свинарка Е. И. Коробкина.

МЕХАНИЗАЦИЯ — КЛЮЧ К ДЕШЕВИЗНЕ.— убежденно сказал Степан Данилович Солдаткин, бригадир механизаторов колхоза. — От того, как работает каждый механизатор, зависит стоимость центнера зерна, силоса, сахарной свеклы и прочих продуктов.

У нашего лучшего механизатора Горбулева центнер кукурузного силоса с

С. Д. Солдаткин озабочен: как сподручнее вытащить трактор?

початками в молочно-восковой спелости стоит 12 копеек, а у механизатора Соломатина — 40 копеек.

Почему такая разница? Соломатин сел небрежно, не получил точных квадратов. И потому кукурузу на его участке можно было культивировать только в одном направлении, да и то с трудом. Стала зарастать она сорняками. Пробовали пропальывать, да разве вручную толком прополешь десятки гектаров!

В результате звено Соломатина получило лишь по 150 центнеров зеленой массы с гектара. Горбулев, который добился точных квадратов, быстро дважды прокультивировал свой участок и получил 300 центнеров. Вот вам цена халатности.

Приведу пример помельче.

Сегодня я целый день убил, чтобы вытащить застрявший в реке трактор. Возглав его туда молодой тракторист по неопытности. Считайте, на два дня трактор выбыл из строя. Чтобы его вытащить, пришлось «запрячь» еще три трактора. Значит, на непроизводительную, к урожаю отношения не имеющую работу мы затратили и горючее и труд людской.

А это тоже на себестоимости сказывается. Вот почему я считаю, что главное в нашей механизаторской работе — предельная добросовестность.

Мы решили: лучшие механизаторы должны обучить всем тонкостям мастерства своих менее опытных товарищей. Пример показал Степан Егорович Горбулев. Он подлинный мастер квадратно-гнездового сева и обучил этому искусству молодых механизаторов.

Но есть и еще один резерв, к исползованию которого надо готовиться сегодня не одним механизаторам.

И здесь мне хочется сказать вот о чем: фермы пока механизировать мужчины, и у механизмов на фермах работают только мужчины. Думается, не к лицу нашим девушкам и женщинам стоять в стороне от техники. На механизированных фермах будут заняты теперь не менее десяти механиков, электриков, машинистов. А вот если бы доярки, свинарки, скотницы могли сами обслуживать

все механизмы, тогда можно было бы обойтись одним механиком и одним электриком, которые следили бы за правильностью эксплуатации, за исправностью техники.

При такой постановке дела тоже намного снизилась бы себестоимость молока и мяса.

ПОБЕСЕДОВАВ С КОЛХОЗНИКАМИ, НАШИ КОРРЕСПОНДЕНТЫ СНОВА ОБРАТИЛИСЬ К ПРЕДСЕДАТЕЛЮ АРТЕЛИ ПРАСКОВЬЕ ЛУКЬЯНОВНЕ БОЛБАТ.

— В ЧЕМ ЖЕ «СЕКРЕТ» ТОГО, ЧТО В КОЛХОЗЕ САМАЯ ВЫСОКАЯ УРОЖАЙНОСТЬ И САМАЯ НИЗКАЯ СЕБЕСТОИМОСТЬ ПРОДУКЦИИ ПО РАЙОНУ? — СПРОСИЛИ ОНИ.

— Есть мудрая русская пословица, — ответила Прасковья Лукьяновна. — «Как аукнется, так и откликнется».

Почему у нас по совести работают? Да потому, что каждый знает: честный труд за колхозом не пропадет. Если уж принято на общем собрании решение о дополнительной оплате и механизаторам,

и полеводам, и животноводам, — все уверены: хорошо поработаешь, дашь сверхплановую продукцию — хорошо будет оплачен и твой труд.

Но справедливая оплата труда — это хоть и важная, но одна сторона дела. Есть и еще «секрет»: забота о людях. Чем внимательнее колхоз к людям, тем рачительнее они к общественному добру.

Никто не упрекнет нас, что мы уделяем мало внимания строительству ферм и прочих хозяйственных помещений. Но очень важно и то, где проведет человек свой досуг, куда в горячую пору может привести мать своих малышей, какая крыша над головой у вдовы или пожилой колхозницы, которые сами не в силах строятся.

Именно поэтому есть у нас и новый клуб, под стать любому городскому, и детский сад на 50 мест, и родильный дом. А заботу о строительстве жилых домов для тех, кто не в силах построить их сам, колхоз берет на себя. И бригадир строителей считает эти новостройки не второстепенными.

Чувствуют заботу и престарелые. У нас 200 пенсионеров. Для всех колхозников введены двухнедельные оплачиваемые отпуска. Все это, вместе взятое, и рождает у людей тот напорный интерес

делает колхозника хозяином, думающим о том, как бы внести в артельный котел большую долю труда и сметки.

Сейчас мы ставим перед собой две задачи, неразрывно связанные между собой: в ближайшие годы резко увеличить производство зерна и продуктов животноводства. Нам надо прежде всего нарастить стадо. К концу семилетки мы должны иметь вдвое больше коров, не меньше 22—25 на 100 гектаров земли и втрое против прежнего свиней.

Тогда резко возрастет производство органических удобрений, а значит, и поднимется урожайность. Сделать все это мы в силах!

День нашей жизни — этот шаг в будущее. Это день творческого труда. И, чтобы каждый день наступивший был радостнее и полнокровнее дня прошедшего, надо нам одно — мир на земле.

В декабре была я на сессии Верховного Совета СССР. Едва успела вернуться, как один за другим стали заглядывать в правление колхозники. Пришли прямо с утренней дойки доярки. Спрашивают: «Были ли на сессии, когда докладывал Никита Сергеевич Хрущев о международном положении, иностранные дипломаты?». «Как же, были», — отвечаю.

— Значит, собственными ушами все слышали, — с удивлением сказала Наталья Ивановна Матюшенко. Помолчав, добавила убежденно: — Должна идти до них наша правда!

И тут же с жалобой:

— Никан нам ленточным транспортер не установят на ферме. Три человека уборкой навоза заняты! Непорядок, Прасковья Лукьяновна. Поторопи механизаторов.

Не успела закрыться дверь за доярками, свиновод Иван Филиппович Баранников пожаловался. Расспросил о Москве, о сессии, о том, не привезла ли каких новинок по свиноводству, мол, с лучшими свиноводками страны встречалась — есть они среди депутатов.

Коротенько ответила ему. Смотрю, мнется, не уходит.

— Ну, что у тебя, Иван Филиппович, выкладывай!

Начал мне на строителей да механизаторов жаловаться: медленно бетонированную дорожку от кормокухни к свиноводнику прокладывают. Загорячился:

— Это же на производительности труда скажется. Прикинь: моторная тележка с баком для раздачи кормов есть. Была бы дорожка, пустили бы тележку — сразу четырех человек от тяжелой работы освободили. А это 4 тысячи рублей в год экономии!

И куда бы ни шла я в тот день, всюду встречали меня люди вопросами о Москве, о сессии. Но редкий человек забывал подсказать что-то дельное по хозяйству.

И очень мне хотелось, чтобы иностранные дипломаты, о которых спрашивали доярки, послушали, о чем говорят, о чем заботятся наши советские люди, хозяева своей земли.

Мирные дела волнуют нас, потому что строительство коммунизма — самое светлое, самое мирное дело на земле.

Председатель колхоза П. Л. Болбат.

РАЗУМНО, С УЧЕТОМ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Будто в наш адрес обращены слова Никиты Сергеевича Хрущева в его Записке Президиуму ЦК КПСС:

«Если в хозяйстве не хватает техники, нет людей для того, чтобы освоить земли, высвобождаемые из-под трав, то лучше пусть трава растет, чем распахать поле, посеять, например, сахарную свеклу, но не обработать ее и не получить ни сена, ни сахарной свеклы. Словом, все должно быть взвешено и сделано разумно, с учетом возможностей».

Прочитала я их и вспомнила раннюю весну 1962 года, общее собрание, на котором утверждали мы новую структуру посевных площадей.

Горячий спор разгорелся вокруг кукурузы. Район предписал нам расширить ее посевы до 500 гектаров, без малого в десять раз. Многие, в том числе и бригадир наш Василий Иванович Судаков, возражали против этого. Нельзя, говорили они, идти на такой риск. У нас в колхозе и на малых площадях кукуруза не дает хороших урожаев. А тут — 500 гектаров. Не управимся, завалим дело. Ведь и сахарную свеклу в этом году впервые сажать будем. А эта культура рук да рук требует. Техники-то для ее обработки у нас нет. Получится так, что не будет ни кукурузы, ни сахарной свеклы.

Однако большинством все-таки решили мы сажать 500 гектаров кукурузы. В числе голосовавших за нее была и я. Кто же оказался прав?

А прав-то был Василий Иванович и те, кто его поддерживал. Год выдался дождливый и холодный. Кукуруза урожая не дала, и пришлось площади, занятые ею, использовать как пары под озимые. Не хватило у нас сил обработать и сахарную свеклу потому, что рабочих рук у колхоза, прямо скажу, маловато. И вышло: за двумя зайцами погнались — ни одного не поймали. А почему? Да потому, что не взвесили по-настоящему своих возможностей, не посоветовались со своей хлебоборобской совестью. Легче всего оправдаться: мол, сверху, из района на нас нажимали, а мы, дескать, люди маленькие. Это позиция обывателя. Будь я и мои товарищи, члены правления, принципиальнее — никто бы нас не заставил работать себе в ущерб.

И, прямо скажу, стыдно мне было смотреть в глаза своим товарищам по бригаде на собрании, где шел взволнованный, горячий разговор о Записке Никиты Сергеевича Хрущева, о решениях ноябрьского Пленума ЦК.

О чем же говорили люди? Прежде всего о том, что в нынешнем году надо в пять-шесть раз больше посеять кормовых бобов, которые дали по 300 центнеров замечательной, богатой белком зеленой массы с гектара. Втрое расширить посевы гороха, не отказываться и от сахарной свеклы, которая хотя и не дала у нас высокого урожая, но в некоторых хозяйствах области показала себя замечательно. Значит, надо поучиться ее выращивать.

Попробовать новые силосные культуры, такие, например, как мальва, дающая до 800 центнеров зеленой массы с гекта-

ра и хорошо переносящая холода. Что же касается кукурузы, то от нее мы тоже не откажемся, достанем семена раннеспелых сортов, посоветуемся с учеными, но попробуем сначала растить кукурузу на значительно меньших площадях, стремясь всеми силами повысить ее урожайность.

Много говорили и о самой доходной нашей культуре — льне. Василий Иванович Судаков высказал такую мысль:

— Вот сеем мы, товарищи, в своей бригаде 100 гектаров льна. Доход от него получаем немалый — 700—800 рублей с гектара. А что, если сократить посевы льна гектаров на 30? Ведь чего греха таить, не всегда, особенно когда осень сырая, доводим мы всю тресту до дела. Силенок не хватает. А давайте попробуем так сработать, чтоб ни одна соломинка не пропала и весь лен самыми высшими номерами сдать. Уверяю: в накладе не останемся. Будем брать не количеством гектаров, а качеством да высокой урожайностью. Тогда тот же гектар 1 500—1 600 рублей даст — вдвое против нынешнего.

Бригадир горячо поддержали все наши льноводки. Думаю, что правление прислушается к их голосу.

В этом большом разговоре скрылся и еще один немалый резерв. На него указала старейшая наша доярка Павла Ефимовна Гульнева.

— Я, товарищи дорогие, вот чем растрожена: хоть и неплохо мы сработали в минувшем году, однако надо бы и к соседям заглядывать. Возьмем, к примеру, осеевскую бригаду. Земли там малость поменьше, чем у нас. Трудоспособных побольше. А во всех работах мы их обгоняем. Скажите, хоть раз мы задумались, почему? Не выходит ли, что мы живем по старинке: было бы у нас хорошо, а у других хоть трава не расти.

— Ну, это ты уж больно круто берешь, Ефимовна! — бросил ей кто-то реплику.

— Круто, говоришь? А ну-ка, Валентина, — обратилась ко мне Павла Ефимовна, — зачитай цифры по нашей да осеевской бригаде, какие мне показывала позавчера.

Встала я и познакомила собравшихся с такими показателями: в прошлом году осеевцы дали колхозу 55 789 рублей дохода, а мы — 105 289 рублей.

— Теперь понимаете, — горячо продолжала Павла Ефимовна, — полмиллиона на старые деньги недодали они колхозу. И выходит: одни землю родить учат, а другие только мучат. Значит, надо нам вмешаться в их дела. Видно, у правления силенок на это не хватает.

— Легко сказать, вмешаться, — перебила Павлу Ефимовну Ксения Носкова. — Я вон на сенокосе одну попрекнула: нечисто, говорю, подгребает. А она меня так отчитала, что я навеки зареклась других учить.

Павла Ефимовна хотела было возразить ей, но тут в разговор вступил Василий Иванович Ковряков.

— А учить надо! Мне за шестьдесят перевалило. Не похвальбы ради скажу: 600 рублей за прошлый год заработал. И в этом не меньше будет. Щербакову Виктору из осеевской бригады и сорока, поди, нет. А за нынешний год он 43 рубля 29 копеек заработал! С чего же он живет при своих-то заработках? Конечно же, не на заработанное честным трудом. И не один он такой там. Вот и надо призвать к порядку околосельских прихлебателей. На позор перед всем нашим колхозным миром выставить. А ты, — он глянул в сторону Ксении, — «зареклась учить». Ежели мы не научим, кто же научит?

Решили мы на том собрании просить правление и парторганизацию колхоза создать специальную комиссию коммунистического контроля для борьбы с «огрехами» в наших больших колхозных делах.

Вот так, оглядываясь на минувший год, намечали мы себе рубежи на год будущий.

И скажу одно: хотя 1962 год был труднейшим из трудных, все-таки обеспечили мы скоту неплохую зимовку: заготовили по 5 тонн травяного силоса на корову, довольны сена. Хороший доход даст нам лен. Не сетуем и на зерновые: 10—12 центнеров на круг взяли. Первоисполнили и план продажи государству продуктов животноводства. Значит, дела обернулись не так уж плохо.

Мы хозяева своей земли, и она по-настоящему будет вознаграждать нас только в том случае, если мы станем хозяйствовать на ней с умом, старательно, как учит нас партия.

В. КОВРЯКОВА,
член правления колхоза «Заветы Ильича»

Череповецкий район.
Вологодская область.

У ИСТОКОВ НОВОГО

Уборка смешанных посевов кукурузы и сои на полях опытной станции Терезино.

Это рассказ о женщине-ученом и одной из ее работ, о том, как да-доу, древняя культура китайских земледельцев, обосновалась на просторах приднепровских степей.

Когда Лида собралась в школу, мать проводила ее только до порога. Она оправила на девочке аккуратно заштопанное платьице и протянула ей потемневшую от времени монету.

— Смотри не потеряй. Я нынче в депо задержусь, так ты меня не жди, купи поесть...

Лида крепко зажала монету в смуглой ладошке, понативно, как большая, кивнула и вышла на улицу.

С тех пор как взрослые стали часто повторять звучные слова «манифест», «мобилизация», многое переменялось в жизни семьи Некрасовых да и всего небольшого, тихого дальневосточного городка Уссурийска.

На привокзальной площади день и ночь толпился народ: женщины с заплаканными лицами, прижимавшие к себе испуганных детей, амурские казаки в огромных мохнатых папах, суровые бородатые таежники с тяжелыми заплечными мешками. Расхаживали толстые важные горловые, щеголеватые офицеры, перебранные новенькими скрипучими ремнями.

Отец, машинист паровоза, по несколько дней не возвращался домой. Мать приходила поздно, усталая, запорошенная мелкой угольной пылью. Словом, в мире взрослых происходило что-то тревожное.

Лиде к этому времени едва исполнилось семь лет, и она еще не понимала, почему при слове «война» хмурится отец. Девочке война пока не причинила огорчений. Наоборот, с тех пор как нарушился привычный уклад жизни, Лиде на обед часто стали давать денюги. На них у старого У-Фина можно было получить двести пампушки. А это почти праздник.

Около фанзы У-Фина, приютившейся на задворках депо, всегда толпились стационные ребятки. Перед входом, под большим бумажным фонарем, украшенным затейливым

иероглифом, чуть ли не круглые сутки дымились жаровня. А на ней в кипящем масле жарились пампушки с чесноком, пышные, румяные, ароматные — в общем, самые вкусные на свете!

У-Фин, сухонький, подвижный старичок китаец, сам выращивал все, что было нужно для нехитрой торговли. И пшеницу, из которой его сыновья мололи муку, и да-доу — невысокую, светло-зеленую траву с толстым стеблем и узкими, покрытыми пушком листьями. К середине лета на стеблях вырастали стручки, похожие на гороховые. Но семена в этих стручках были гораздо вкуснее гороха. Они скорее напоминали кедровые орешки. Из них выжимали масло, на котором жарились пампушки.

У-Фин говорил ребятам, что тот, кто будет есть да-доу, станет очень сильным, проживет сто лет. И ребята верили старику, потому что у его сыновей были уже взрослые сыновья, а смешная косичка, в которую У-Фин заплетал свои волосы, оставалась по-прежнему черной и блестящей, как сучанский антрацит в тендере паровоза.

Много лет спустя, когда маленькая Лида стала уже Лидией Федоровной, она не раз вспоминала рассказы старого У-Фина о чудесных свойствах да-доу, сои.

Революция открыла дочери паровозного машиниста двери Дальневосточного университета.

В 1927 году молодой агроном Лидия Некрасова уже работала в рисоводческих хозяйствах на берегах озера Ханко. Потом заведовала кафедрой ботаники в Благовещенском сельскохозяйственном институте, а через десять лет защитила кандидатскую диссертацию и была приглашена на работу во Всесоюзный институт растениеводства в Ленинград.

И случилось так, что вместо того, чтобы работать над заветной темой — акклиматизацией новых культур на западе России, ей пришлось заниматься селекцией клевера. Тогда в

агрономической науке господствовала теория Вильямса, ошибочно утверждавшая, будто многолетние травы повышают плодородие почвы. И воспитанные на этой теории поколения агрономов искренне верили в чудодейственную силу многолетних трав.

Тысячи километров изъездила и исходила Лидия Федоровна по травяным полям, и вера ее в полезность работы стала постепенно исчезать.

Нет, «травяная дерь» не ведет в страну изобилия. Но что же сеять?

Уже более шести тысяч лет земледельцы возделывают сою, самое распространенное на земле бобовое растение. Мировая практика доказала величайшую ее ценность. «Почему же не возделывать сою повсюду?» — думала Некрасова.

Лидии Федоровне довелось стать одной из тех, кто помог сое поселиться на новом месте. Но случилось это гораздо позднее, уже после войны, когда она работала не в Ленинграде, а под Киевом, на животноводческой опытной станции Терезино.

Кукуруза, по достоинству именуемая «королевой полей», пожалуй, наиболее продуктивной из всех кормовых культур. Десятки центнеров зерна, сотни центнеров зеленой массы, тысячи кормовых единиц с гектара дает она умелому хозяину.

Кукуруза содержит все необходимые животным питательные вещества, только белка в ней мало.

«Жизнь есть способ существования белковых тел», — писал Фридрих Энгельс. Все живое на нашей планете — растения и звери, птицы и рыбы да и сам человек — построено из белка.

Корова с каждой кормовой единицей должна получать 105 граммов переваримого белка — протеина. Только тогда рацион будет «сбалансирован по белку», как говорят зоотехники, и организм животного станет работать нормально.

Но в кукурузном силосе на каждую кормовую единицу приходится 70—80 граммов переваримого протеина. Где взять остальные?

В бобовых культурах, отвечает наука, в горохе, люпине, кормовых бобах, сое. Какая из них богаче белками? Конечно, соя! В ее семенах на 30—70 процентов белка больше, чем в других бобовых.

Но самое главное — кукуруза прекрасно уживается с соей в одном гнезде. Словом, с каких позиций ни оценивала Лидия Федоровна свою любимицу, именно она оказывалась наиболее выгодной белковой добавкой к кукурузе, самой подходящей кандидаткой в сити «королевы».

Лучше всего высевать сою вместе с кукурузой, потому что высевают они примерно одновременно.

На первый взгляд все как будто просто. Но ни одно дело не обходится без трудностей.

Прежде всего встал вопрос: какой сорт сои сеять? Из огромного множества сортов, пригодных для возделывания в Киевской области, предстоя-

ло отобрать наиболее урожайные, со стеблем не ниже 70 сантиметров, с высоко расположенными стручками.

В 1959 году Лидия Федоровна вместе со своей давнишней знакомой селекционером Анастасией Кирилловной Лещенко приступила к опытам. В их распоряжении было 120 сортов сои. После двухлетних испытаний осталось около десяти. Из них, вновь прошедших тщательную проверку, и был выбран тот единственный, который передан сейчас на районирование.

Первые опыты пришлось закладывать вручную: в коллекции Некрасовой и Лещенко каждый сорт был представлен только пятьюдесятью семенами. Но уже на четвертый год урожай избранных исследователями сортов «кировоградская-4» и «терезинская-2» составил 35 тонн. Этого количества достаточно, чтобы обеспечить семенами почти пятьдесят колхозов и совхозов области.

Ох, как непросто это далось! Одно время Лидия Федоровна казалась, что против сои ополчились и природа и люди. То зарядит дождь — льет месяц подряд, то грачи саранчой пройдут по нежным всходам, то тракторист, выехав на культивацию, вместе с сорняками уничтожит чуть ли не треть драгоценных стеблей.

Но получить семенной материал — это еще полдела. Как сеять кукурузу с соей? Убирать-то совместные посе- вы можно обычными кукурузными

комбайнами, но для сева машин пока нет.

Петр Федорович Таран, помощник Лидии Федоровны, предложил дооборудовать обычную кукурузную сеялку «СКГ-6» дополнительным ящиком и семяпроводами, чтобы в одно гнездо высевались и кукуруза и соя.

Вместе со студентами-практикантами, загоревшимися смелой идеей, он построил комбинированную сеялку. И хотя «железный гибрид» выглядел несколько неказисто, на качестве сева это несколько не отразилось.

Пожелтели и опали листья с дубков, тополей, кленов. Уже и днем крепкий мороз сковывает землю, хрупким зернистым ледком затягивает лужи. Кое-где на дороге поблескивает первый снежок, льдистый, сыпучий, словно пригоршнями набросанный. На длинной, почти трехкилометровой аллее, идущей от шоссе Киев — Одесса к главному корпусу опытной станции, зябко и неуютно. Невысокая пожилая женщина в грубом брезентовом плаще поверх пальто не замечает холода. Не спеша проходит она вдоль поля, на котором еще недавно шумели машины, звонко перекликались молодые голоса.

Нынешней осенью десятки самоспалов увозили с полей измельченную зеленую массу кукурузы и сои. Силос, изготовленный из этой массы, содержит на 20—25 процентов белка больше, чем чистый кукурузный. Для

хозяйства этой зоны Украины найден верный путь к решению проблемы белков.

Лидия Федоровна подходит к светлому трехэтажному зданию опытной станции и сворачивает в сторону. Она хочет посмотреть, как чувствуют себя посевы катрана и борщевника. Это — новое ее увлечение.

Катран сердцелистый тоже может быть неплохой белковой добавкой к кукурузе. Растение многолетнее, сеять его надо раз в несколько лет, а косить можно дважды в году. Ухода он не требует почти никакого. К тому же катран совсем не боится холодов, остается зеленым до первых морозов, не теряя своих кормовых качеств. Борщевник — тоже интересное растение. Опыты с этими двумя культурами только начаты, но Лидия Федоровна верит в успех.

Время не властно над людскими сердцами. Оно может выбелить волосы, изрезать морщинами и вытеснить ветрами лицо, отяжелить походку. Но оно не в силах изменить характер, никогда не потушит ему в сердце огонек любви к своему делу...

Холодный ветер обжигает лицо, тербит выбившиеся из-под платка седые волосы. Лидия Федоровна Некрасова идет на участок, где она заложила новые опыты.

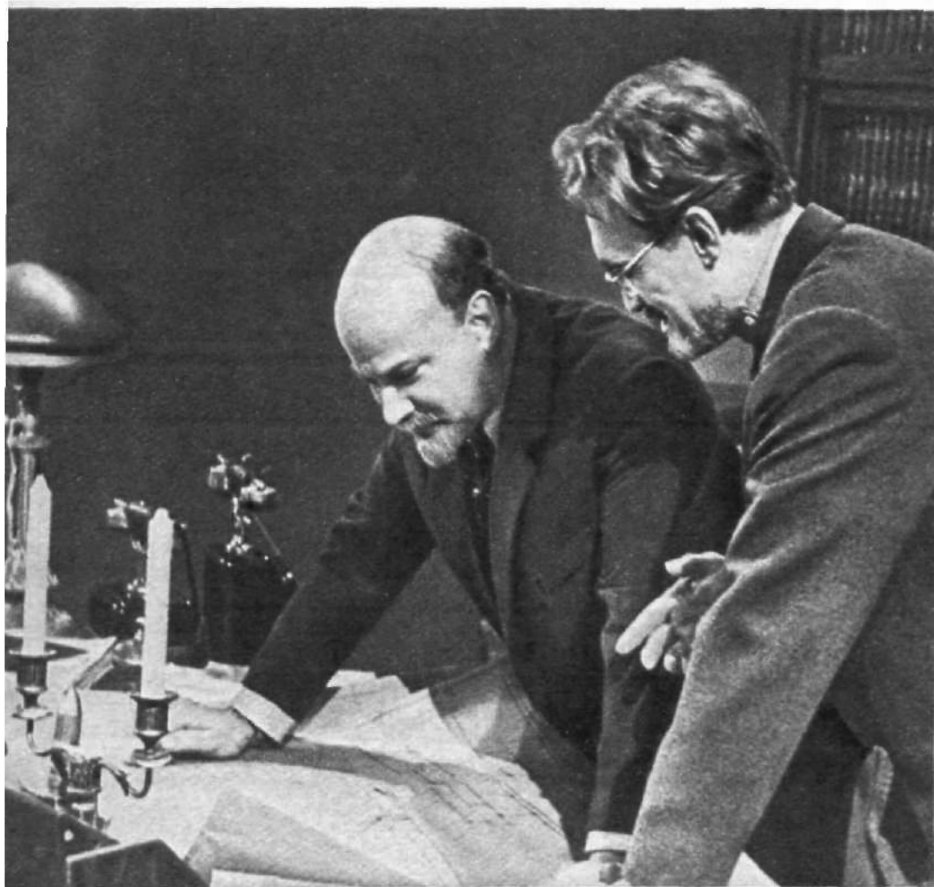
Счастливого ей пути!

Ян СОРОКО
Фото автора.

Л. Ф. Некрасова на опытных посевах катрана.

ТОЛЬКО ОДИН ДЕНЬ

Кадры кинохроники сохранили нам лишь очень короткие эпизоды из жизни Владимира Ильича Ленина. Помните: на просторную кремлевскую площадь, где гуляет свежий весенний ветер, впервые после тяжелого ранения вышел Владимир Ильич. Вместе с В. В. Бонч-Бруевичем он остановился неподалеку от знаменитой Царь-пушки и взмахнул рукой. Можно догадаться, Владимир Ильич показывает, что поправился, рука уже действует. Или такой момент: Ленин во время заседания III конгресса Коминтерна. Он присел на ступеньку небольшой лесенки, ведущей на сцену, вынул из кармана бумаги и сосредоточенно углубился в них. Одну минуту, не больше, видим мы его на трибуне во время первомайского парада. Мимо него в чеканном марше проходят красноармейцы, и он приветливо улыбается им.

И это почти все, что сняли кинема-

тографисты в те, ставшие уже далекими дни.

Ну, а как работал Ленин? Как справлялся с той лавиной дел, которая ежедневно обрушивалась на него? Разве не интересно было бы шаг за шагом проследить хотя бы один день его жизни? И вот появился недавно фильм «Рабочий день В. И. Ленина». Так назывался бы, наверное, и документальный, если б его удалось тогда снять...

Но этот художественный фильм об обычном дне великого человека воспринимается почти как документ. И не только благодаря актеру Д. Масанову, сыгравшему с большим воодушевлением, умом и тактом труднейшую роль Ленина. Фильм столь правдив и точен во всех своих деталях, будто и впрямь составлен из документальных кадров.

...Мало еще кто проснулся в то морозное февральское утро 1921 года, когда в квартире Владимира Ильича в Кремле

все уже были на ногах. За чайным столом, как всегда, Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Короткая, суровая реплика Владимира Ильича:

— Пайки в городе сократили.

— Еще?!

Зритель сразу же оказывается в курсе событий того времени, того главного, что волновало всех и каждого. Разруха. Голод. Положение нестерпимое. Где выход?

Это знает Владимир Ильич. Он скажет об этом ясно и четко. Но немного позже. А пока он не без горечи бросает: «Придется еще потуже затянуть ремни...»

Одними из первых посетителей Ленина в этот день были его земляки, крестьяне из Симбирской губернии. Уже в разговоре с ними становится очевидным, куда клонится мысль вождя. Ему важно лишний раз убедиться: вывод, к которому он пришел, верен. Чтобы перестроить экономику на новый лад, нужно развязать хозяйственную инициативу крестьянства, нужно как можно больше зерна оставить к весне на семена. Об этом говорит Ильич, выступая перед рабочими-металлистами Москвы в накаленной до предела обстановке.

Этот по-настоящему драматический эпизод не выдуман. 4 февраля 1921 года Владимир Ильич действительно выступал в Колонном зале на московской конференции металлистов, где объяснил мотивы перехода к новой экономической политике. Но в фильме не просто воспроизводится факт — показывается характер Ленина: его прямота, логика, сила убеждения.

В хронике ленинских дел отмечено также, что 4 февраля 1921 года Ленин вел заседание Совета Труда и Оборон. И в фильме это нашло место. Но каким иным предстает здесь Владимир Ильич!

Сарказмом, иронией он буквально сразил того военного, который вставлял палки в колеса новому, проводя демобилизацию из армии «выборочно», когда в деревне так не хватало рабочих рук.

— Вы решение Совета Труда и Оборон выполняете тоже «выборочно»? — резко перебивает Ленин незадачливого оратора.

Невольно вспоминаются слова Маяковского: «Он к друзьям милел людскую лаской, он к врагам вставал жезла тверже».

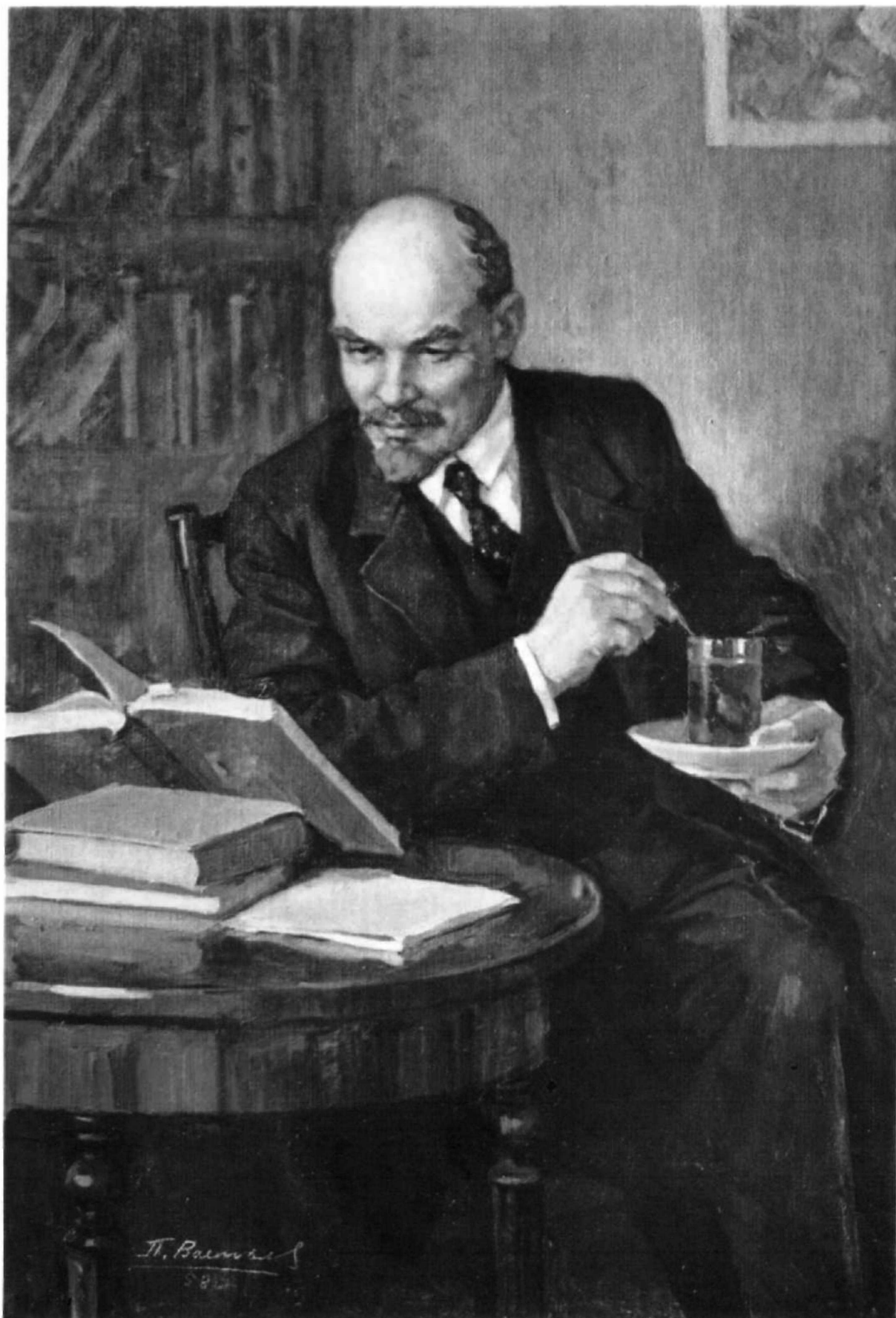
Еще несколько рабочих часов мы проводим в кабинете Ильича. Занимаемся текущими делами, с интересом слушаем рассказ изобретателя об электроплуге и соглашаемся с ним, что электрификации нельзя заниматься с меньшим темпераментом, чем, например, поэзией. Весело смеемся над тем, как шведские коммунисты, пришедшие к Ленину, запутались в тонкостях русского языка и переводят название работы «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» как «детское заболевание»...

И вот мы снова дома у Ленина, в кругу его семьи. Пробили кремлевские куранты. Половина второго ночи. Входит Владимир Ильич. Здравоздается.

— Добрый вечер, мои дорогие! Да, трудный был день. И положение наше напряженнейшее, — в раздумье произносит он.

Из таких труднейших дней была соткана вся его жизнь.

А. ШАПОВАЛОВА

В. И. ЛЕНИН.

П. ВАСИЛЬЕВ.

ГОРДОСТЬ НАРОДА

К 50-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
ПРАСКОВЬИ
НИКИТИЧНЫ
АНГЕЛИНОЙ

Ее все звали с ласковью, сердечной простотой — Паша. Она шла не торной дорогой. Шла первой Девушка, державшая занять место, определенное мужчине по праву, освященному веками.

Дочь батраков и сама с детских лет познавшая тяжесть труда на чужих полях, Паша Ангелина сразу и бесповоротно отдала свое сердце могучей машине, присланной в деревню Советской властью. Водить эту машину по широким колхозным полям — другой цели у нее не было.

На пути Паши встали когость, темнота старой деревни, убогая убежденность в ограниченности женской доли — все то, что так трудно изживалось на заре нового, социалистического строя.

Никто не поддержал ее — ни друг, ни брат-тракторист, ни даже отец, передовой по тому времени крестьянин: он знал, как сильны в деревне предрассудки, и боялся за дочь. Инженер-механик, инструктор курсов трактористов при только что созданной в селе машинно-тракторной станции, лишь пожал плечами:

— Практика не знает примеров, чтобы девушка водила трактор.

— Значит, я буду первая, — сказала

семнадцатилетняя старобешевская девочка.

Много нужно было отваги, чтобы независимо, засунув руки в карманы рабочих брюк, идти к МТС улицей под перекрестными взглядами недобрых глаз. Парни над ней смеялись, старухи крестились и плевали ей вслед.

Кончился первый рабочий сезон. По выработке и сохранности машины Паша Ангелина обогнала других трактористов. Но деревня упорно стоит на своем: «Не место бабе на машине». И когда спустя год Паша выводит на весенний сев обученную ею девичью тракторную бригаду — девять смелых подружек, — наперерез тракторам валит возбужденная толпа:

— Не пускать баб, они попортят нам поля!

— Тащи Пашку с машины!..

Но вот наступил день, который стал самым памятным в жизни Паши и ее подруг.

Погода стояла теплая, солнечная. Бригада заканчивала сев пропаших — несколько суток девушки работали почти без отдыха, стремясь завершить работы, пока земля хранит еще весеннюю влагу. А за краем свежей пахоты до самого горизонта степь уже нежно зеленела, дружно поднималась яровая пшеница, посеянная бригадой. И вдруг трактористки увидели: по дороге от села движется большая группа людей. Сердце Паши дрогнуло. Неужели что-нибудь не так?

Но она ошиблась. Подойдя к заглушившим моторы девушкам, люди остановились, а седой старик, низко поклонившись, сказал:

— Пришли мы, доченьки, сказать вам спасибо за вашу работу. Теперь сами видим: отродясь не бывало на наших полях таких добрых всходов. А за прошлую обиду просим прощения.

Тоненькая смуглая девушка с пышной шиповик непокорных волос и упрямым чубиком, налезавшим на высокий лоб, стоит на трибуне в зале Большого Кремлевского дворца. На Всесоюзное совещание передовиков сельского хозяйства собрались лучшие люди колхозной деревни. И зал бурно рукоплещет ей, первой девушке-трактористке, доказавшей, что женщина может управлять техникой не хуже, а порой и лучше мужчины: ее девичья бригада оставила «за флагом» не одну передовую мужскую бригаду, выработав за сезон 795 гектаров на каждый трактор, почти вдвое превысив план. Сама Паша вспахала 1500 гектаров.

— Молодец, Паша, — слышит она возгласы, — поддала парням жеру!..

В Старо-Бешеве возвратилась повзрослевшей, понявшей значимость происшедшего: опыт ее бригады будет повторен во всех концах страны. Там, в Кремлевском дворце, с ней говорила Родина, умоляющая видеть преданный труд своих детей, где бы они ни трудились. Это Родина ободрила ее, когда она обязалась выработать на каждый трактор бригады не меньше 1200 гектаров. И перед ней будет держать ответ. Ну что ж, она без колебаний принимает эту ответственность: слово дано не зря.

1 225 гектаров, 2 300, 2 700... Стремительно, из года в год, растет выработка в ангелинской бригаде, не давая драмать беспечным, подзадоривая ретивых. Раз-

И. ВАСИЛЕВСКИЙ

Ничего!

*Изучив словарь толковый,
Интурист усвоил слог.
Одного в России слова
Он понять никак не мог.*

*Тут пошли ему навстречу —
Снарядили в путь его.*

*— Пусть поймет в народной речи,
Что такое «ничего»!*

*— Как в пути у вас с едою,
Говорят, продуктов нет?*

Что, скажите, брать с собою?

— Ничего, — звучит в ответ.

*Где своим шагает ходом,
Где пройдет с кем-нибудь.
Спросит, сколько за подводу?
— Ничего! Счастливый путь!*

*Отдавил соседу ногу.
Извинился, скля берет:
— Извините, ради бога.
— Ничего! — ворчит сосед.*

*Обойдя в колхозе хаты
И прикинув умолот,
Гость сказал:*

*— Колхоз богатый!
— Ничего! — сказал народ.*

*И когда друзья спросили
За границей у него:
— Как поездка? Как Россия?
Он ответил:*

— Ничего!

горается по стране соревнование механизаторов. На смену маленьким «ХТЗ» а деревню идут новые, мощные гусеничные машины. Водит их и бригада Ангелиной. И не девять, а сто двадцать пять девушек уже сидят за рулем в Старо-Бешевском районе — кадры, подготовленные Пашей в ее «тракторном институте». Каждый год вчерашние прицепщицы пересядут на трактор, трактористки становятся бригадирами. Высокие урожан собирают колхозники с обработанных девушками полей. А Паша учится сама и заставляет подруг изучать агротехнику: мало быть хорошим трактористом, надо отвечать за результаты своей работы.

Уж никто больше не смеется над девушкой в рабочем комбинезоне. Растут отряды Пашинных последователей. Звучат по стране имена новых славных механизаторов — Паши Кавардак, Вари Бахольдиной, Марии Мухортовой и многих, многих других...

Незадолго до начала войны с трибуны XV съезда Коммунистической партии Украины прозвучал голос делегата съезда Ангелиной.

— Никита Сергеевич, — сказала она, — Вы говорили, что опыт моей бригады надо сделать достоянием тысяч и тысяч крестьянских девушек... Что надо быть готовым ко всяким неожиданностям. Что нужны кадры. Эти кадры есть. Я получила тысячи писем: девушки просят обучить их тракторному делу. Если фашизм кинется на нас и наши трактористы пересядут на танки, — тракторы поведем мы: сестры, невесты, жены!

И со страниц центральной печати разнесся ее горячий призыв: «Сто тысяч девушек — на трактор!»

Отозвалось двести тысяч. Во время Отечественной войны женщины-механизаторы приняли на себя всю тяжесть снабжения хлебом армии и тыла.

Двадцать девять лет не выпускала Паша из рук руль трактора, даже когда

училась в Тимирязевской академии. Двадцать девять весен встречала она в привольной степи, радостно поднимая плсты пахучей земли. Но эта работа не поглощала всей ее кипучей энергии. Она жила всем, чем жила ее страна.

Бессменный избраник народа, вместе с правительством решала Прасковья Никитична государственные дела. Ее — заботливую мать — волновали вопросы воспитания детей. Не раз и не два выступала она на страницах нашего журнала, призывая школу и семью признавать детям любовь и труду, могучему двигателю процветания человечества.

Она была верным слугой народа. Двери хорошо знакомого донецким жителям дома на берегу степной реки Кальмиус ни перед кем не закрывались. Если Паша была в поле, мать, Ефимия Федоровна, или отец, старый, заслуженный колхозник Никита Васильевич, говорили приветливо: «Подождите, Паша скоро будет». Ни один человек, нуждавшийся в справедливом вмешательстве депутата, не покидал этого дома без поддержки. К ней приходили просто за советом, и часто тут же, на месте, разрешался неразрешимый, казалось бы, спор.

Она думала обо всем и обо всех. Только не о себе. Сдавало здоровье, но она не придавала этому значения: так велика была ее вера в неиссякаемость своей жизненной силы.

Не встретила Паша своей тридцатой трудовой весны. Она умерла на рассвете хмурого январского дня в Москве, куда была срочно доставлена самолетом. Но помочь ей уже никто не мог. Это было за три дня до открытия XXI съезда партии, делегатом которого являлась Ангелина.

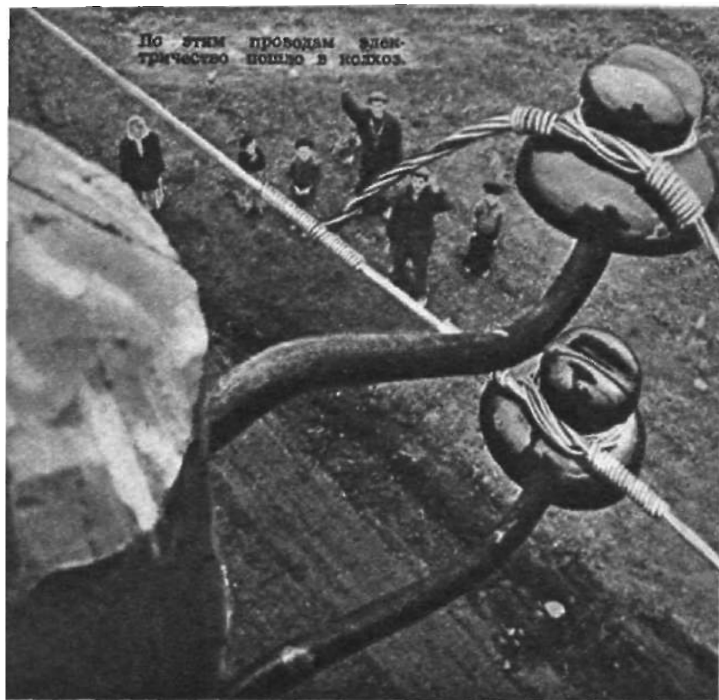
Она прожила всего 47 лет, но никогда не изгладится след, оставленный ею на земле и в сердцах людей.

Т. НОВИКОВА
Фото А. ШИШКИНА.

СОРАТНИКИ

В колхозах Веселовского района о заводе «Запорожсталь» говорят: «Это наш соратник в борьбе за подъем сельского хозяйства».

Давно минули те времена, когда помощь завода колхозам выражалась только в том, что на горячее время уборки посылали рабочих. Теперь отношения строятся по-иному.

ЕСТЬ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Выход оставался один — электрификация. Без нее колхозу имени Горького дальше и шагу не сделать.

Можно, к примеру, увеличить поголовье скота: есть корма и помещения. Но как пойти на это, когда людей не хватает? Да и молочко при ручной дойке в копейчку обходится!

— Нет, без электричества дело не сдвинешь! — вздыхали колхозники. — Что это за работа, когда один трактор воду качает, другой мельницу крутит, третий приспособлен корма измельчать. И так вот тринадцать тракторов!

Но когда вплотную занялись электрификацией, оказалось, и столбы, и провода, и трансформаторы, и моторы приобрести можно. Но где взять квалифицированных работников, которые установили бы электрооборудование?

Выручили шефы — рабочие цеха сетей и подстанций завода «Запорожсталь». Провели двенадцать

километров линий, оборудовали три трансформаторных будки, пустили электромоторы.

Теперь можно было увеличить колхозное стадо. Через некоторое время в колхозе появился новый коровник на две сотни голов. Неподалеку от него просторный телятник. Построили овчарню на полторы тысячи овец и свинарник. Электричество донет коров, крутит жернова мельницы, гонит воду по трубам.

— Уж и не знаем, как благодарить шефов! — говорят в артели имени Горького.

ОБЩЕЕ ДЕЛО

С председателем колхоза «Украина» Алексеем Михайловичем Поповым прокатчики «Запорожстали» подружились с первой же встречи. Попов повел их по фермам, мастерским, познакомил с людьми. Держался он степенно, по-хозяйски, не прибрежился, а просто показывал: смотрите, мол, что у нас хорошо, а что плохо.

В колхозе одних только тракторов тридцать пять! А вот ремонтная база колхоза оставляет желать лучшего: паратисков двести старый токарный станок.

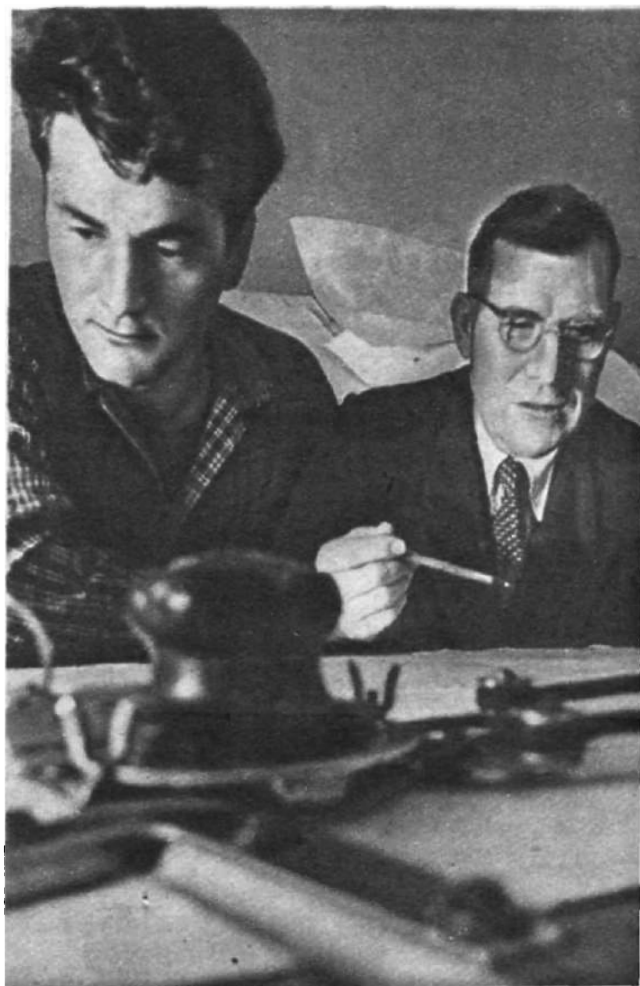
Рабочие цеха холодного проката «Запорожстали» приняли это к сведению. И через некоторое время в колхоз привезли сварочные

С ГРИФОМ «СХ»

«А чем мы поможем себе?» — задумались молодые специалисты заводоуправления.

— Что, если нам создать конструкторское бюро на общественных началах? — предложил кто-то.

Идея понравилась. Работать в общественном КБ

аппараты, много различных инструментов, из тех, что уже не использовались на производстве.

Помогли шефы подвести воду к животноводческим фермам, установить электропривод к зерноочистительным машинам.

И у женщин есть особая причина благодарить запорожстальцев: в четырех яслях появилась детская мебель. Навелись в колхоз и воспитательницы заводского детского сада, поделились своим опытом.

— А теперь обязательно приезжайте к нам, — пригласили горожанки своих сельских коллег, — посмотрите, как мы работаем с детьми.

На желтоватой картке конструкторов Павел Куца и Якова Савостина показывают контуры животноводческих построек.

пожелали не только комсомольцы. Якову Корнеевичу Савостину и Лазарю Савойловичу Шульману уже под пятьдесят; давно вышли из комсомольского возраста и Георгий Гаврилович Гутов, Иван Дмитриевич Шаблюнко. Но разве могли они остаться в стороне от такого дела? Не остались безучастными и специалисты из других отделов.

И вот после рабочего дня долго не гасли лампочки над чертежными досками конструкторов. На белые